

М.С. СОЛОМИН

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РИСК: ОТ РЕАЛИЗМА К КОНСТРУКТИВИЗМУ

СОЛОМИН Максим Сергеевич – аспирант факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (msolomin@hse.ru).

Аннотация. Статья посвящена концептуализации понятия «профессиональный риск» в рамках социологии риска. Противопоставляя эпистемологические основания изучения риска в социологии, автор выделяет два подхода: реалистский и конструктивистский. В первом случае профессиональный риск интерпретируется как вероятность реальной угрозы и возможного ущерба работникам, вследствие воздействия на них вредных производственных факторов различного генеза. Во втором случае под профессиональным риском понимается совокупность возможных решений (действий) субъекта, обусловленных, с одной стороны, рамками «жизненного мира» профессии (знания, навыки, опыт, нормы), с другой – представлениями субъекта о возможных издержках/выгодах, получаемых в ходе осуществления профессиональной деятельности. На примере социологических исследований демонстрируются исследовательские перспективы и ограничения каждого из указанных подходов.

Ключевые слова: профессиональный риск • реализм • конструктивизм • социология риска

DOI: 10.31857/S013216250004954-2

Постановка исследовательской задачи. На сегодняшний день ни в социологии риска, ни в социологии профессий не сформировалось единых представлений о профессиональном риске и способах его изучения. Зачастую в работах, которые позиционируются как социологические исследования профессиональных рисков, последние трактуются расширительно, т.е. речь идет скорее о профессиональных опасностях. Или точнее: в подобных исследованиях термин «профессиональный риск» чаще всего понимается как возможная вероятность ущерба в процессе осуществления своих профессиональных обязанностей. Как результат, такие исследования направлены на построение оценки возможных (нежелательных) вредных факторов трудового процесса. Признавая полезность таких исследований, подчеркнем, что в силу расширительной трактовки риска они не принимают во внимание различие риска и опасности, общепринятого для социологии [Луман, 1994]. Игнорируется также и парадоксальность рисков [Бехманн, 2010]: в отечественной литературе можно встретить термин «субъектно-объектная природа риска» [Зубков, 2003], что близко идее «парадоксальности», указывающей на стирание границ между субъектом и объектом риска. Человек является одновременно субъектом и объектом риска: если он принимает решение о каком-либо действии, то возрастает неопределенность в плане следствий этого выбора, а если же человек отказывается от решения, то появляется неопределенность в плане потери возможных выгод. Иными словами, различие наличия или отсутствия риска исчезает. Если говорить о парадоксальности профессиональных рисков, это означает, с одной стороны, влияние профессиональной среды на действия субъекта, с другой, действия субъекта влияют на состояние среды, а также на результат последствий тех или иных ситуаций.

Таким образом, существующие социологические исследования в области профессионального риска могут быть обогащены в результате реконструкции теоретико-методологических элементов понятия «профессиональный риск» и его последующей

концептуализации в рамках социологии риска. Именно эта тема будет в центре внимания нашей статьи: фокусом рассмотрения выступает профессиональный риск как неотъемлемый компонент любой профессии. Иначе говоря, мы ставим перед собой задачу представить возможные подходы к **концептуализации понятия «профессиональный риск» в рамках социологии риска**. Представляется, что продуктивней всего эту задачу можно решить путем демонстрации конкретных прикладных исследований, которые в той или иной степени характеризуют каждый подход.

От континуума эпистемологических оснований риска к подходам профессионального риска. Учитывая многообразие подходов к исследованию риска, некоторые авторы предпринимают попытку их классифицировать, в том числе и по различным эпистемологическим основаниям или позициям. Под последними понимаются те или иные представления о природе риска – о его сущности и возможностях его изучения. Д. Луптон предлагает говорить о континууме возможных эпистемологических позиций, на одном полюсе которого располагаются «реалистские», а на другом – «радикально конструктивистские» подходы к анализу риска [Lupton, 1999].

Реалистская позиция предполагает, что риск – это объективная опасность или угроза, которая существует и может быть измерена независимо от социальных и культурных процессов, но может исказиться или сместиться из-за социальных или культурных рамок интерпретации. Подобный подход часто обозначается как экономический, технический или формально-нормативный [Бехманн, 2010].

Заметим, что социологическая теория риска, начав свое формирование в 1970–1980 гг. (М. Дуглас, Э. Гидденс, Н. Луман, У. Бек и др.), в конечном итоге подвергла критике подобные представления о риске. Так, Н. Луман отвергает понимание риска как просчитываемую вероятность, считая, что современное поведение вообще нельзя вписать в схему «рациональное или иррациональное» [Луман, 1994], так как, по его мнению, риск имеет свои корни в социуме, а не в индивидуе. Человек поступает в соответствии с ожиданиями, предъявляемыми к нему его постоянной референтной группой, а значит, анализ риска в терминах рациональности поведения индивида, как возможности предсказания последствий действия, не вполне адекватен [Луман, 1994]. Другой аргумент состоит в том, что даже если за аксиому принять положение о рациональном поведении индивидов, большинство ситуаций, сопряженных с риском, невозможно проанализировать с точки зрения объективной вероятности из-за отсутствия эмпирических данных, подтверждающих те или иные прогнозы [Бехманн, 2010].

Согласно конструктивистской позиции, риск есть социокультурный продукт. Умеренно-конструктивистская позиция означает отбор некоторых событий (как правило, речь идет о реальных угрозах и опасностях), маркируя их как риски. Предполагается, что если риск рассматривать в качестве социального феномена, возникающего из решений и целенаправленного поведения индивида в условиях ограниченного знания о внешних угрозах, то в принципе можно достичь пусть и ограниченного, но объективного знания о риске [Иванов, 2015]. В качестве классического примера подхода, который базируется на данной эпистемологической позиции, приведем культурно-символическую теорию М. Дуглас. Здесь индивид конструирует свое восприятие риска в процессе интеракций. Риск представляет собой некоторое нормативно-регулятивное понятие, с которым индивид соотносит свои действия [Douglas, Wildavsky, 1982].

Радикально конструктивистская позиция, восходящая, в частности, к работам М. Фуко, допускает, что те или иные дискурсы (научный, журналистский и др.) сами «создают» риски безотносительно к какой-либо реальности [Lupton, 1999]. Для сторонников этого подхода характерно утверждение: «Ничто само по себе не является риском. Однако с другой стороны, все может быть риском» [Ewald, 1991: 202]. То, что люди воспринимают в качестве риска, на самом деле обусловлено господствующими политическими институтами. М. Фуко связывает появление понятия «риск» в политическом дискурсе Франции XVIII в. с развитием «систем безопасности», прежде всего в медицине: до XVIII в. оспа

считалась болезнью, характерной для определенных территорий. По мере сбора статистических данных о влиянии этой болезни на организм человека, а также с появлением вакцинации стало возможным говорить о показателях допустимой заболеваемости и допустимой смертности среди различных категорий населения. Под риском в данном случае понимается сама вероятность заболеваемости/смертности от болезни [Фуко, 2011]. Ф. Эвальд, следуя логике М. Фуко, выделяет три характеристики риска – калькулируемость, коллективность и капиталность [Ewald, 1991]. Иными словами, риск – это схема рациональности, которая определенным способом организует реальность вокруг нас. В данной теоретической рамке принято говорить о таких рациональностях, как страхование, как о некоторых вероятностях последствий, которые могут быть измерены и распределены; рациональность снижения эпидемиологического риска, которая, как и страхование основана на статистических методах, однако ее акцент является чисто профилактическим, связанным со скринингом населения [Dean, 1998].

Таким образом, основываясь, прежде всего, на эпистемологических основаниях риска в социологии, мы выделяем два подхода к концептуализации профессионального риска: **реалистский** и **конструктивистский**. Хотя некоторые исследователи считают, что данные позиции следует рассматривать как взаимодополняющие [Иванов, 2015], мы в аналитических целях противопоставляем эти позиции. Это необходимо для того, чтобы максимально явно показать различие между реалистским и конструктивистским пониманием данного феномена.

Профессиональный риск: реализм vs конструктивизм. Охарактеризовав эпистемологические основания изучения риска в социологии и обозначив два возможных подхода к изучению профессионального риска, продемонстрируем конкретные прикладные исследования, которые в той или иной степени характеризуют каждый из выделенных нами подходов. Поскольку речь идет о двух вполне самостоятельных подходах, мы дадим определение понятия «профессиональный риск» в контексте каждого из них.

В качестве примера реалистского подхода укажем на исследование рисков среднего медицинского персонала М.Ю. Девличаровой. Основная цель автора состоит в том, чтобы выстроить систему факторов риска [Девличарова, 2014]. В конечном счете выделяются несколько рискогенных факторов: психофизиологический, повышенной утомляемости, «химического вреда» (к которому можно отнести влияние работы с различными лекарственными препаратами на здоровье работника), инфекционные риски [Девличарова, 2014]. Здесь профессиональный риск можно интерпретировать как *вероятность реальной угрозы и возможного ущерба медицинским работникам, вследствие воздействия на них вредных факторов различного генеза*. Подобная трактовка характеризует подход, названный нами реалистским, поскольку основывается на соответствующих эпистемологических основаниях. Под риском понимается объективная опасность, которая поддается статистическому измерению. Например, автор придает особую значимость риску заражения медицинского работника от больных. Ссылаясь на статистические источники, автор указывает на то, что примерно треть медсестер, работающих в центре гемодиализа, так или иначе сталкивались с данной проблемой, и делает вывод, согласно которому риск заражения медицинских работников от больных является самым высоким. Заслуга подобного взгляда на профессиональный риск состоит в попытке идентификации и ранжирования (по степени вероятности наступления) опасных факторов, потенциально способных нанести ущерб медперсоналу.

Однако говорить здесь о профессиональном риске как о риске решения можно лишь очень условно. Игнорируется вопрос о том, что *признается* рискованным с точки зрения самих работников. Сам по себе факт наличия опасности еще не означает риска. С позиции «мягкого конструктивизма» важно прояснить вопросы о том, как индивиды ранжируют опасности; насколько эта опасность значима для самих работников и каковы их стратегии поведения в ее отношении. Можно предположить, что если велика доля тех, кто сталкивался с этой проблемой, то данная опасность не является для работников самой

значимой (в сравнении с другими). В результате этого происходит пренебрежение некоторыми формальными правилами безопасного поведения, потому что это сулит возможность какой-либо выгоды (например, ускоряет процесс работы с больными). Это предположение невозможно проверить в рамках данного подхода, потому что в подобных оценках не удастся сопоставить потенциальный вред с выгодами, связанными с теми же опасностями [Short, 1990]. Тем не менее данный подход продолжает активно использоваться. Так, ВОЗ предлагает классификацию факторов профессионального риска. В зависимости от величины вероятности воздействия вредных факторов и степени возможного ущерба выделяются наиболее и наименее опасные факторы (самая распространенная причина смертельных исходов на производстве – это неумышленный травматизм, составлявший 41% всех смертельных исходов) [Concha-Barrientos, 2004].

Мы не спорим с тем, что анализ статистики причин травматизма и смертности в различных профессиях – значимая и трудоемкая задача. Тем не менее при таком подходе не представляется возможным оценить влияние субъективных факторов на принятие решения, которое может привести к нежелательному событию (травма или даже смерть работника). Индивид при данном подходе рассматривается чисто механически, его поведение – это продукт нормативных предписаний. Д. Купер в одной из своих работ установил, что нормы безопасного поведения прописывают лишь малую часть возможных нарушений [Cooper, 2004]. Например, если рабочий падает с лестницы, этот несчастный случай будет сведен в первую очередь к неосторожности рабочего – неиспользованию поручней. Присущая указанному подходу логика рассуждений зачастую игнорирует имплицитные причины, лежащие в основе каждого несчастного случая. При таком ракурсе упускается из виду тот факт, что риск связан с тем, как субъект оценивает различные опасности, и с его действиями, осуществляемыми в соответствии со своим восприятием ситуации. Таким образом, подобные количественные данные не позволяют описать субъективные свойства профессионального риска, они выпадают из фокуса количественного анализа.

Не проясняет подобный подход и того, какие стратегии в рамках той или иной профессиональной деятельности применяют индивиды, чтобы уменьшить нежелательные последствия. Так, П. Менгер, исследуя особенности профессий в сфере искусства пишет, что «рынок живописи» характеризуется большой степенью неопределенности, однако занятость на этом рынке возрастает. Несмотря на свидетельства низкой отдачи от профессионального творчества и высокой степени неравенства в доходах, художники все равно не покидают эту профессию, как следовало бы ожидать [Menger, 1999]. Второй интересующий автора аспект – то, как художники справляются с высокой вероятностью остаться без средств к существованию. Основной аргумент, почему художники не оставляют столь нестабильный вид заработка, состоит в символической значимости профессии для самих художников. Говоря языком автора, причина в том, что это «труд из-за любви» к профессии. За этой метафорой скрывается несколько значений: во-первых, возможность общественного признания – речь идет о достижении некоторого социального статуса, который обеспечивал бы художнику престиж; во-вторых, большая степень автономности, в сравнении с другими профессиями. Основным минус подобного рода занятости состоит в невозможности как-то гарантировать себе доход. Художники справляются с этим разными способами: кто-то выполняет частные заказы, кто-то занимается обучением других. Это и есть стратегии минимизации профессиональных рисков.

В качестве некоторого промежуточного итога резюмируем ограничения реалистского подхода. Во-первых, рассмотрение поведения индивида строго в нормативных рамках, что приводит к игнорированию субъективных оснований профессионального риска. Во-вторых, риск интерпретируется как количественная характеристика, обозначающая степень вероятности наступления разной степени нежелательных событий. Между тем можно предположить, что риск как решение может быть связан не только с попыткой минимизировать опасности, но и с целью извлечения выгоды, в том числе и нематериального порядка (профессия как призвание). В-третьих, в данном подходе не уделяется

внимание стратегиям минимизации вероятности нежелательных событий, которые сами по себе тоже являются рискованными.

Приведем пример, который соответствует конструктивистскому подходу – исследование Д. Уиттакера и Г. Харта, посвященное женщинам, занимающимся проституцией [Whittaker, Hart, 1996]. Профессиональные риски в этом исследовании интерпретируются как возможность того, что проститутка будет подвержена опасностям, среди которых, например, насильственные действия со стороны клиентов, общий телесный ущерб, связанный с количеством клиентов в день и др. Разумеется, данные опасности объективны и характеризуют данный род занятий. Тем не менее основной вопрос исследователя состоит в прояснении того, как «работницы самой древней профессии» ранжируют риски и какие действия принимают в их отношении. Автору удается показать, что главной опасностью проститутки признают вероятность насильственных действий со стороны клиентов [там же]. К стратегиям, позволяющим снизить вероятность насилия, относятся: интуитивный «скрининг» потенциально опасных клиентов, основанный на предыдущем опыте, как своем, так и своих коллег, а также установление и поддержание инициативы во время встречи. Подобная «стратегия» реализуется путем ведения переговоров о предоставляемых сексуальных услугах и определения места встречи еще до самой встречи [там же]. Еще одним средством защиты является работа в публичных домах, где скрининг осуществляет не сама проститутка, а «хозяйка дома». Однако не все женщины склонны использовать данный ресурс. Некоторые предпочитают работать в одиночку, прежде всего, из-за «высокого налога» и высокой «рабочей нагрузки» (до 50 клиентов в день) [там же].

Как мы видим, даже в ситуации, когда разговор о возможной безопасности практически абсурден, профессиональные риски могут быть идентифицированы по-разному. Данные примеры позволяют показать разницу между реалистским и конструктивистским подходами к пониманию профессионального риска. Если в первом случае исследуемый феномен интерпретируется через меру вероятности наступления нежелательного события, то во втором – через категории: субъект, решение, действие. В конечном счете можно утверждать, что профессиональный риск в конструктивистской перспективе складывается из таких элементов, как представления субъекта о возможных издержках/выгодах; принятие и реализация решения (определение цели и способа действия) и собственно конечный результат (ожидаемый/неожиданный). Исходя из этого, *профессиональный риск с позиции конструктивистского подхода представляет собой совокупность возможных решений (действий) субъекта, обусловленных, с одной стороны, рамками «жизненного мира» профессии (знания, навыки, опыт, нормы), с другой – представлениями субъекта о возможных издержках/выгодах, получаемых в ходе осуществления профессиональной деятельности.*

«Две социологии» одного объекта. Наша задача состояла именно в максимально четком обозначении перспектив концептуализации рассматриваемого объекта в рамках социологии риска, которая позволяет классифицировать подходы к рассмотрению профессионального риска в зависимости от эпистемологических оснований – реалистского и конструктивистского. Однако мы признаем, что рассуждать о профессиональном риске невозможно, полностью игнорируя достижения социологии профессий. Здесь мы ставим перед собой задачу показать возможность сближения аналитических перспектив социологии профессий и социологии риска в исследованиях профессиональных рисков.

В социологии профессий можно выделить несколько ключевых исследовательских направлений к исследованию профессий¹. Мы коснемся только двух – это функционализм (в ряде источников этот подход носит название англо-саксонской модели) и интеракционизм (к этому подходу можно отнести и феноменологию профессий), поскольку эти подходы можно считать полярными по отношению к друг другу [Абрамов, 2014].

Функционализм стал влиятельным направлением благодаря Т. Парсонсу. Он считал, что именно профессионалы составляют «ядро» адаптационной способности социальной

¹ Подробный обзор подходов к исследованию профессий см.: [Абрамов, 2014].

структуры общества, поэтому уделял внимание развитию профессионального корпуса [Абрамов, 2005]. Различение профессий и занятий, характерное для англо-саксонской модели, мы не можем здесь обойти стороной: Парсонс выделял несколько критериев профессиональной роли, среди которых наличие высшего образования, опыта, мотивация работать на благо всей социальной системы [Parsons, 1969]. В качестве фактологической ремарки отметим, что основная часть критики со стороны неомарксистов пришлась именно на последний критерий [Лукша, 2003].

В контексте нашей работы важным является то, что профессионал – это носитель особого, экспертного знания о том, как можно просчитать риск на основе научного подхода, ссылаясь на образование, опыт и социальный статус. Такая трактовка профессиональной роли позволяет нам «проложить мостик» к использованию психометрической парадигмы в исследовании восприятия рисков. Представители этого направления считают, что опасность – это реальная угроза, которая оценивается людьми, а риск – субъективное измерение последствий опасности, из чего следует, что риск субъективен и, безусловно, связан с существующей культурой [Slovic, 1992]. Социологический вклад этих исследований заключается в том, что были выявлены различия между восприятием риска «неспециалистами» и «профессионалами». Исследования показали, что профессионалы более толерантны (нежели население) к рискам, присущим их профессиональной деятельности. Принципиальное различие оценок заключалось в степени контроля над риском: эксперты², опираясь на знания и опыт, полагают, что в состоянии просчитать и минимизировать риски. В свою очередь, население зачастую не доверяет экспертным оценкам по причине либо непонимания этих оценок, либо из-за отсутствия согласованности между самими экспертами в их отношении [Slovic, 1992]. Иными словами, можно сделать вывод, что эксперты рассматривают профессиональные риски как некоторые объективные вероятности нежелательных событий, что соответствует реалистскому подходу. Именно здесь классическая исследовательская модель социологии профессий соприкасается с социологией риска.

В качестве примера подобного синтеза можно привести работу Д. Карлсона и Э. Бейна «Профессиональный риск и работа с людьми», посвященной работе юристов, врачей и социальных работников. Риск представляется как совокупность трех элементов: вероятности, тяжести последствий, неопределенности. Под неопределенностью авторы понимают отсутствие необходимых ресурсов для анализа рисков: недостаток информации, времени и др. [Bain, Carlson, 2008]. Заслуга исследования как раз и состоит в попытке добавления в исходную формулу расчета вероятности новой переменной, отражающей ресурсное обеспечение профессионала. Ограничения этого исследования соответствуют недостаткам реалистского подхода: индивид рассматривается как рациональный «заложник» экспертного знания о том, как обезопасить себя от рисков, и действует только лишь исходя из профессиональных норм безопасности.

С позиции функционалистского взгляда на профессию нарушение техники безопасности в процессе работы будет интерпретироваться как «непрофессионализм». Тем не менее сам факт наличия решений, не вписывающихся в нормативный порядок, указывает не на «непрофессионализм» работника, а лишь на то, что в той или иной профессии возможны решения, выходящие за рамки этого порядка. Чтобы объяснить, почему субъекты действия принимают те или иные определенные решения в различных условиях, необходимо, следуя интерпретативной логике, проанализировать три аспекта: что признается в качестве рискованного, как определяется ранжирование рисков и какие действия предпринимаются в отношении рисков [Гаврилов, 2007]. Подобные вопросы можно поставить

²В своей работе мы используем понятия «эксперт» и «профессионал» в качестве синонимичных, основываясь на том, что профессионал в модели Т. Парсонса – это носитель особого экспертного знания в своей профессиональной области, следовательно, он должен знать, как анализировать риски, находящиеся в поле его деятельности.

только в русле конструктивистского подхода к анализу профессионального риска, признавая, что данный феномен является неотъемлемой частью профессии, понимаемой как специфический «жизненный мир».

Нетрудно догадаться, что термин «жизненный мир» отсылает нас к феноменологическому подходу. В рамках социологии профессий он получает свое развитие как одно из ответвлений интеракционизма [Абрамов, 2005]. При таком фокусе внимания профессия представляется как деятельность, характеризующаяся внутренним единством, знаниями, технологиями, но при этом относительно закрытая для внешнего мира. Во многом благодаря работам Ч. Хьюза, различие «профессия/занятие» нивелируется: автор не занимается вопросом о том, каковы характеристики профессионала, но анализирует сферу непосредственных социальных взаимодействий [Хьюз, 2008]. Это позволяет расширить исследовательское поле, включив в него как профессии в классическом смысле³, так и те профессии, для которых характерны отсутствие высшего образования и выработка особых, «своих» знаний и способов их передачи, при этом вокруг конкретного вида работы складывается свой специфический порядок взаимодействий. Иными словами, нам важны не характеристики профессионалов, но содержание профессии, понимаемой как замкнутый и самодостаточный жизненный мир со своим специфическим габитусом [Романов, Ярская-Смирнова, 2009]. В подобном контексте открывается возможность рассмотрения рисков не как опасностей, которые могут быть следствием, например, условий труда, а как совокупность взаимодействий, осуществляемых в процессе профессиональной деятельности [Хьюз, 2008]. Вопрос о социальной обусловленности тех решений, которые не вписываются в закреплённые профессиональные нормы – это, по сути, конструктивистский вопрос, который «распадается» на пункты интерпретативной логики, указанной выше.

Можно сделать вывод, что применение конструктивистского подхода целесообразно, если мы исходим из интеракционистской (либо феноменологической) модели профессии. В качестве примера приведем исследование пожарных работников, проведенное М. Десмондом. Он задавался, в частности, вопросом о влиянии социального контекста на принятие риска работниками пожарной службы. Удалось выяснить, что «привычка» рисковать жизнью у многих работников была сформирована еще до начала профессиональной деятельности: респонденты проживали в сельских районах, которые, с одной стороны, были расположены недалеко от города, с другой – вблизи от лесных массивов. Респонденты указывали на высокую частоту лесных пожаров, в том числе и из-за деятельности промышленных предприятий, что создавало угрозу пожаров в районе, где проживали они и их семьи. Это привело к тому, что многие работники в качестве неформальной нормы усвоили следующее правило: «лучше сгорю я сам, нежели позволю пожару разрастись и сжечь свою деревню» [Desmond, 2006]. Иными словами, пожарные в определенных ситуациях были готовы игнорировать нормы, обеспечивающие собственную безопасность. Еще раз подчеркнем, что М. Десмонд, оставив за скобками анализ профессиональных характеристик, показал, как определенные рискованные решения связаны с социально-культурным контекстом. С позиции реалистского подхода гибель работника пожарной службы интерпретировалась бы как несчастный случай, либо как несоблюдение техники безопасности (если бы удалось доказать несоблюдение правил со стороны работника), но не как целенаправленное действие, основанное на представлениях о соотношении издержек и выгод.

Заключение. В статье мы предложили рассматривать профессиональный риск с позиции двух подходов: реалистского и конструктивистского. Выделение данных подходов построено на различении эпистемологических позиций о природе риска. Согласно реалистскому представлению, риск – это объективный факт, отражающий свойства объективного мира. В подобном ключе профессиональный риск интерпретируется как вероятность наступления опасного события. Как правило, исследования, базирующиеся на этой предпосылке, ориентированы на создание универсального эталона риска; с его помощью

³ Употребляя термин «классический», мы имеем в виду англо-саксонскую модель.

можно было бы сравнивать различные виды ущерба, выводя из этого сравнения приемлемый риск, понимаемый как допустимый уровень вероятности наступления нежелательного события. С этой же целью проводятся исследования, направленные на идентификацию рискогенных факторов в той или иной профессии. Несмотря на свою популярность, данный подход имеет некоторые существенные ограничения. Во-первых, индивид рассматривается как объект, помещенный строго в нормативный вакуум. Это приводит к игнорированию субъективных оснований профессионального риска. Данный подход не раскрывает, что индивид в процессе осуществления профессиональной деятельности признает рискованным. Во-вторых, риск интерпретируется как количественная характеристика, обозначающая степень вероятности наступления разной степени нежелательных событий. Однако рискованное решение не всегда направлено на минимизацию вероятности нежелательных последствий. В-третьих, даже в том случае, когда речь идет об уменьшении воздействия на индивида нежелательных факторов профессиональной деятельности, реалистский анализ профессионального риска оставляет за скобками вопрос об индивидуальных стратегиях его минимизации. Все это приводит к тому, что «реалистские» исследования, занимаясь вычлениением «рискогенных факторов», не могут прийти к единому измерению риска с позиции действующего субъекта.

С нашей точки зрения, эти ограничения можно преодолеть с помощью конструктивистского подхода. Здесь риск представляет собой социальный феномен, связанный с восприятием и активностью субъекта, которая реализуется в различных решениях. Как следствие, профессиональный риск складывается из таких элементов, как представления субъекта о возможных издержках/выгодах, принятие и реализация решения (определение цели действия способа действия) и собственно конечный результат (ожидаемый/неожиданный). Таким образом, с позиции конструктивистского подхода профессиональный риск представляет собой совокупность возможных решений (действий) субъекта, обусловленных, с одной стороны, рамками «жизненного мира» профессии (знания, навыки, опыт, нормы), с другой – представлениями субъекта о возможных издержках/выгодах, получаемых в ходе осуществления профессиональной деятельности. Подобный фокус рассматривает уже не вероятности нежелательных событий, а зависимость субъективных решений от социокультурного контекста, в который встроена та или иная профессия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н. Классификация исследовательских направлений в изучении занятий и профессий // Социологический ежегодник, 2013–2014: Сб. науч. тр. // Ред. Н.Е. Покровский; Ред.-сост. Д.В. Ефременко. М., 2014. С. 83–104.
- Абрамов Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 54–66.
- Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М.: Логос, 2010.
- Гаврилов К.А. Социологический подход к анализу риска // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 40–58.
- Девличарова Р.Ю. и др. Исследование профессиональных рисков среднего медицинского персонала как вариант реализации междисциплинарного подхода к изучению рисков здоровья // Саратовский научно-медицинский журнал. 2014. Т. 10. № 4. С. 674–680.
- Зубков В.И. Социологическая теория риска. М.: Изд-во РУДН, 2003.
- Иванов А.В. Эпистемологические проблемы теории риска в контексте формирования научно-исследовательских программ социальной рискологии // Наука и современность. 2015. № 37–2. С. 70–76.
- Лукша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. С. 61–79.
- Луман Н. Понятие риска // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 5. С. 135–160.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.
- Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011.

- Хьюз Э.Ч. Ошибки на работе // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 3. С. 385–396.
- Carson D., Bain A. *Professional Risk and Working with People: Decision-making in Health, Social Care and Criminal Justice*. London; Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2008.
- Concha-Barrientos M. et al. Selected Occupational Risk Factors // Comparative Quantification of Health Risks: Global and Regional Burden of Disease Attributable to Selected Major Risk Factors. Geneva: World Health Organization. 2004. P. 1651–1801.
- Cooper M.D., Phillips R.A. Exploratory Analysis of the Safety Climate and Safety Behavior Relationship // Journal of Safety Research. 2004. Vol. 35. No. 5. P. 497–512.
- Dean M. Risk, Calculable and Incalculable. Nuremberg: Soziale Welt, 1998.
- Desmond M. Becoming a Firefighter // Ethnography. 2006. Vol. 7. No. 4. P. 387–421.
- Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1982.
- Ewald F. Insurance and Risk // The Foucault Effect: Studies in Governmentality. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 197–211.
- Lupton D. et al. *Risk and Sociocultural Theory: New Directions and Perspectives*. London; New York: Cambridge University Press, 1999.
- Menger P.M. Artistic Labor Markets and Careers // Annual Review of Sociology. 1999. Vol. 25. No. 1. P. 541–574.
- Parsons T. Professions // International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: The Macmillan Company & The Free Press, 1968. P. 536–547.
- Short J.F. Hazards, Risks, and Enterprise: Approaches to Science, Law, and Social Policy // Law & Society Review. 1990. Vol. 24. No. 1. P.: 179–198.
- Slovic P. Perceptions of Risk: Reflections on the Psychometric Paradigm // Social Theories of Risk. London; New York: Praeger, 1992. P. 117–152.
- Whittaker D., Hart G. Research Note: Managing Risks: the Social Organization of Indoor Sex Work // Sociology of Health & Illness. 1996. Vol. 18. No. 3. P. 399–414.
- Статья поступила: 10.10.2018. Финальная версия: 14.03.2019. Принята к публикации: 10.04.2019.

PROFESSIONAL RISK: FROM REALISM TO CONSTRUCTIVISM

SOLOMIN M.S.

National Research University «Higher School of Economics», Russia

Maxim S. SOLOMIN, postgraduate student of National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia (msolomin@hse.ru).

Abstract. The article is devoted to the conceptualization of the idea of professional or occupational risk in the context of risk sociology. Assuming there is opposing epistemological positions for studying risk in sociology, the author identifies two approaches to the conceptualization of occupational risk: realistic and constructivist. In the first case, professional risk is interpreted as the likelihood of a real threat and possible damage to employees due to the impact on them of harmful production factors of different genesis. In the second case, professional risk is understood as possible decisions (actions) of an actor that are caused, on the one hand, by the framework of the profession's «life world» (knowledge, skills, experience, norms). On the other hand the actor's views on the possible costs/benefits are shaped in the course of professional activities. Author demonstrates the research perspectives and limitations of each of these approaches by referring to several examples from empirical sociological research.

Keywords: professional risk, realism, constructivism, sociology of risk.

REFERENCES

- Abramov R.N. (2005) Professional Complex in the Social Structure of Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 54–66. (In Russ.)
- Abramov R.N. (2014) Classification of Research Areas in the Study of Occupations and Professions. *Sociological Yearbook, 2013–2014*. Ed. by N. Pokrovsky, D. Efremenko. Moscow: 83–104. (In Russ.)
- Bechmann G. (2010) *Modern Society: Risk Society, Information Society, Knowledge Society*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Carson D., Bain A. (2008) *Professional Risk and Working with People: Decision-making in Health, Social Care and Criminal Justice*. London; Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers.

- Concha-Barrientos M. et al. (2004) Selected Occupational Risk Factors. *Comparative Quantification of Health Risks: Global and Regional Burden of Disease Attributable to Selected Major Risk Factors*. Geneva: World Health Organization: 1651–1801.
- Cooper M.D., Phillips R.A. (2004) Exploratory Analysis of the Safety Climate and Safety Behavior Relationship. *Journal of Safety Research*. Vol. 35. No. 5: 497–512.
- Dean M. (1998) *Risk, Calculable and Incalculable*. Nuremberg: Soziale Welt.
- Desmond M. (2006) Becoming a Firefighter. *Ethnography*. Vol. 7. No. 4: 387–421.
- Devlicharova R.Y. et al. (2014) The Research of Occupational Risks of Nursing Assistants: Interdisciplinary Approach to the Study of Health Risks. *Saratovskiy nauchno-meditsinskij zhurnal [Saratov Journal of Medical Scientific Research]*. Vol. 10. No. 4: 674–680. (In Russ.)
- Douglas M., Wildavsky A. (1982) *Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkley; Los Angeles: Univ. of California Press.
- Ewald F. (1991) Insurance and Risk. In: *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. Chicago: University of Chicago Press: 197–211.
- Foucault M. (2011) *Security, Territory, Population*. The Course of Lectures Delivered at Collège de France in the 1977–1978 School Year. Saint-Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Gavrilov K.A. (2007) The Sociological Approach to Risk Analysis. *Sotsiologicheskij zhurnal [Sociological Journal]*. No. 3: 40–58. (In Russ.)
- Hughes E.Ch. (2008) Errors at Work. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [The Journal of Social Policy Studies]*. 2008. Vol. 6. No. 3: 385–396. (In Russ.)
- Ivanov A.V. (2015) Epistemological Problems of Risk Theory in the Context of the Formation of Research Programs of Social Risk. *Nauka i sovremennost' [Science and Modernity]*. No. 37–2: 70–76. (In Russ.)
- Luhmann N. (1994) The Concept of Risk. *THESIS*. No. 5: 135–160. (In Russ.)
- Luksha O.V. (2003) Sociology of Professional Groups: the Definition of Concepts. In: Mansurov V.A. (ed.) *Professional Groups of Intelligentsia*. Moscow: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN: 61–79. (In Russ.)
- Lupton D. et al. (1999) *Risk and Sociocultural Theory: New Directions and Perspectives*. London; New York: Cambridge University Press.
- Menger P.M. (1999). Artistic Labor Markets and Careers. *Annual Review of Sociology*. Vol. 25. No. 1: 541–574.
- Parsons T. (1968) Professions. In: *International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York: The Macmillan Company & The Free Press: 536–547.
- Romanov P.V., Yarskaya-Smirnova E.R. (2009) The World of Professions: a Revision of Analytical Perspectives. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 8: 25–35. (In Russ.)
- Short J.F. (1990). Hazards, Risks, and Enterprise: Approaches to Science, Law, and Social Policy. *Law & Society Review*. Vol. 24. No. 1: 179–198.
- Slovic P. (1992) *Perceptions of Risk: Reflections on the Psychometric Paradigm. Social Theories of Risk*. London; New York: Praeger: 117–152.
- Whittaker D., Hart G. (1996) Research Note: Managing Risks: the Social Organization of Indoor Sex Work. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 18. No. 3: 399–414.
- Zubkov V.I. (2003) *Sociological Theory of Risk*. Moscow: Izd-vo RUDN. (In Russ.)

Received: 10.10.2018. Final version: 14.03.2019. Accepted: 10.04.2019.